АННА АЛАНДЖИЙ

ОТЦУ

Глаза-тайники от тебя мне остались
да брови, что клин журавлей...
Настигла тебя пулеметная ярость
среди обожженных полей.
И руки твои, словно реки планеты,
застыли средь яркого дня,
и сердце сгорело расстрелянным летом,
обуглившись от огня.
Безвестным холмом в Югославии где-то
могила из ночи встает,
над ней обнажают чужие рассветы
безмолвное небо свое.
Твой след постепенно засыпали ветры...
Что ветры! Они не скорбят.
Глаза твои только во мне безответно
живут, как частица тебя.
И видят они облака белопенные,
апрельского неба разлив,
зеленые штормы деревьев весенних,
веселые краски земли,
большие ладони планеты — долины,
упругие мускулы гор...
Да вот настоялась в них горечь полыни
на полднях сухих оттого,
что руки твои, словно реки планеты,
застыли средь яркого дня,
и сердце сгорело расстрелянным летом,
обуглившись от огня.

* * *

Учитель простой, с заурядными чувствами,
нередко себя я ваятелем чувствую,
и увлеченным, и страстным.
Вот класс, не знакомый мне, поднялся
снова,
как будто пред скульптором
замысел новый,
расплывчатый и неясный.
И снова сомненья секут меня ливнями:
а вдруг перед замыслом этим
бессильна я!
Недели проносятся неудержимо,
грозят мне неверья трясиной...
Но вот проступают характеры зримо,
упрямые, звонкие, сильные.
И сердце наполнится
радостью творчества,
ваять мне характеры новые хочется. ...

…Толкнула я дверь незнакомую снова,
замедлила шаг не напрасно:
опять, словно скульптор
пред замыслом новым,
я пред настороженным классом.
И те же сомненья секут меня ливнями:
а вдруг перед замыслом новым
бессильна я!